

Василий Иванович Немирович-Данченко

Первая тревога

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья сыть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Первая тревога**

В горных аулах, под облаками, кипела зло-вещая суета... Дольше по ночам горели огни в саклях, снизу над площадями джамаатов видны были багровые зарева костров. На отдалённых вершинах вспыхивали шесты, обёрнутые соломою, — верный признак тревоги, охватывавшей аулы. У Кнауса была зрительная трубка. Следя в неё за загадочным сумраком ущелий, он замечал часто большие партии пеших горцев, вооружённых до зубов, спускавшиеся с гор и уходившие куда-то. Никто из них не возвращался назад. Очевидно, где-то, в каком-нибудь таинственном горном узле, — назначен был сборный пункт для всех абреков и мюридов из этих орлиных гнёзд... В первый же базарный день на крепостной площади наши напрасно ждали лезгин с баранами, просом, сукном и оружием. Никто из них не приехал, и только один «лак», привёз разную дрянь на продажу... Но и этот смотрел как-то испуганно, торопился уехать, точно боялся, что его задержат в стенах Самурского укрепления. Выбравшись за ворота, он с полверсты подвигался вперёд медленно и спокойно, но потом вдруг дал нагайку лошади и

вихрем понёсся вперёд, точно ожидая, что русские опомнятся и задержат его. Раз ночью какой-то елисуец стал кричать издали. Подойти ближе он не мог: его бы разорвали собаки... К нему вышли, взяли в крепость. Он потребовал, чтобы его привели к коменданту. Брызгалов ещё не ложился, — нужно было многое обдумать, ко многому подготовиться...

— Чего тебе?..

— Я сын Курбан-Аги Елисуевского... друга русских...

— Знаю, знаю... У твоего отца верное, преданное сердце. Как он только тебя отпустил, такого мальчика?

— Он сам пошёл в горы, узнать, что там готовится, а мне велел предупредить вас... Горцы поднимаются. У Хатхуа уже более шести тысяч всадников и пеших.

— Давно ли твой отец в горах?

— Пять дней. Ушёл туда и ещё не возвращался.

— Хатхуа — личный враг его?

— Да, — и молодой елисуец сверкнул глазами. — Между нами — кровь. Теперь у Хатхуа ещё больше народа. Салтинцы все вы-

шли, карадахцы тоже. За эти пять дней, как лавина, вырос его отряд.

— Господь поможет, — справимся. Не в первый раз с оборванцами встречаться.

— Хатхуа храбрый джигит.

— Знаю... Нового ты мне ничего не сказал, Амед. Хочешь, сейчас же уезжай?

— Нет, позвольте мне остаться! Здесь каждая рука нужна будет. Мне и отец велел без креста с птицей[1] не возвращаться... Потом вам нужен будет человек, знающий горские адаты и наречия. Почём знать, может быть, я очень пригожусь ещё.

- Да сколько же тебе лет?

— Шестнадцать! — и затем, заметив удивление и нерешительность Брызгалова, Амед гордо прибавил, — я уже убил Гассана-Али. Грудь с грудью с ним встретился!.. Лучше меня никто в Елисуе не владеет шашкой, а птица на лету бью из винтовки.

— Ну, Бог с тобой! Оставайся, Амед. Я велю сейчас отвести тебе помещение.

— Не надо! Я до утра под деревом засну... Я привык, я горец, а днём пойду к своему кунаку.

— Кто у тебя здесь?

— Офицер, белый такой, черкеску носит и голову бреет.

— Ах, Кнаус!.. Ну, ступай!

Амед вышел, стреножил на крепостной площади коня, кинул ему охалку нарезанной им же по пути травы, снял седло и, положив его под голову, заснул спокойно под единственной чинарою.

Прошло ещё несколько дней, горные аулы вдруг успокоились. По ночам над гудеканами было темно; бойницы саклей не светились огнями, по откосам ущелий никто не спускался. Воздушные твердыни Дагестана казались мёртвыми над таинственными долинами... Кнаус, бродя по крепостной стене с Амедом, как-то засмотрелся в синие дали и заметил:

— Должно быть, стороной прошла гроза. У нас ничего не будет.

— Почему ты думаешь это?

— Потому, что тихо кругом стало.

— Адата нашего не знаешь! Когда молодёжь и мюриды вышли на газават, очаги тушатся в ауле, и огня по вечерам никто не зажигает. Питаются просом и хлебом старым...

до возвращения джигитов. Это-то и дурно, что всё так стало тихо... Надо ждать теперь скоро. Тучи на небесах перед грозой всегда молчат... И всё таится под ними.

Нина встретила как-то Амеда и залюбовалась им.

Молодой, тонкий и стройный горец был, действительно, красавцем в полном смысле этого слова; большие, пламенные глаза застенчиво и дико смотрели из-под тонких бровей, почти сраставшихся над орлиным носом. Над верхней губой его пробивались усы... На лице лежало выражение самоуверенности и отваги, не ладивших с его смущённым и застенчивым взглядом, когда елисуец видел девушку. Широкие плечи и высокая грудь его переходили в такую тонкую, перехваченную серебряным поясом, талию, которой позавидовала бы любая, перетянутая узким корсетом барыня. Походка его, как у молодой пантеры, была быстра, мягка, легка и неслышна. Он как-то скользил по земле. Каждое движение его выражало силу и ловкость... Нина заговорила с ним, но Амед, весь покраснев, только смотрел на неё, ничего не отвечая.

— Вы не понимаете по-русски?

— Нет, — наконец пришёл он в себя. — Я учился в Дербенте... У нас весь аул говорит по-русски...

Амеда приглашали к столу Брызгалова. Он был ага, благородный, и с такими наши офицеры на Кавказе вели хлеб-соль и обращались с ними, как с равными. Как-то ночью Кнаус, вышедший сочинять стихи под окно Нины, не двигавшиеся всё-таки далее первого куплета:

*О, благородная девица,
Ты мыслей всех моих царица...
Прекрасней розы ты, ей-ей...
Я ж — Кнаус-фон — твой соловей...*

подслушал нечаянно шорох около... Ночь была тёмная. Луну заслоняло тучами. Звёзды горели на горизонте ярко, но тут за, чинарою трудно было разобрать что-нибудь. Он пошёл прямо на шорох, и от него прочь скользнуло что-то чёрное... «Собака, должно быть», — сообразил он. Но это была вовсе не собака, а Амед, тоже являвшийся сюда грезить до утра. В одну из таких тёплых ночей не спалось де-

вушке. Нина накинула на себя плащ широкий, как тогда носили, и вышла из дому. За ней неслышно, как змея, своей лёгкой походкой в чевяках, не выдававших ни малейшего шума шагов, последовал Амед. Он двигался почти тут же, но она не различала его в благоговейном безмолвии природы... Нина тихо миновала площадь и взошла на стену к башне.

— Что, Егоров? — спросила она у часового.

Теперь девушка уже всех солдат знала по именам.

— Всё благополучно! — также вполголоса ответил он и тотчас же во всю глотку заорал. — Слушай!

— Слушай! — крикнул ему часовой со второй башни.

Ещё с двух откликнулись другие, и опять всё замерло. Только рядом с часовым обрисовался чей-то силуэт.

— Кто это тут? — спросила девушка.

— Мирной... Наш азиат, барышня, который, значит, при его высокоблагородии в охотниках.

— Амед, это вы? — смутилась почему-то

Нина.

— Я... Не спится. Вышел...

— Амед, у вас есть, верно, невеста дома?

— Я никогда не женюсь... — грустно ответил он ей.

— Отчего? Вас отец женит.

— Меня никто заставить не может! — гордо ответил он, кладя руку на кинжал.

— Как никто, ведь по вашему обычаю...

— Нас дома не заставляют. Мы у отца росли иначе.

Сама Нина почувствовала, что больше спрашивать его не зачем, тем более, что юноша окончил:

— И я хотел бы умереть, защищая вас!..

— Полноте, вам рано умирать! — заставила себя засмеяться Нина. — Ведь вы ещё мальчик. Вам шестнадцать лет...

Нина опёрлась на парапет и смотрела вдаль. Как ярко горят сегодня звёзды! Тучи немного отодвинулись. Вон семь очей Большой Медведицы, как великолепно раскинулись они на востоке... Вон далеко, далеко на севере чуть-чуть искрится и мигает ей Полярная... Чуть-чуть во мраке намечаются силу-

эты Дагестанских гор, гордые, мрачные, зловещие, стеснившие кругом долину Самура, чтобы, как казалось Нине, в эту минуту вдруг сдвинуться и раздавить жалкое русское укрепление с горстью засевших в него героев. Далеко-далеко в глубине ущелья, вспыхнул огонёк. Или так показалось? Потух? Нет, вон он опять горит... Ярче и ярче...

— Что это? Костёр? Не Левченко ли там? — спросила она у Егорова.

Но тот помотал головой только.

Амед, обладавший, как многие горцы, чисто орлиным зрением, смотрел с минуту и проговорил:

— Там шалаш сухой стоял. Я знаю это место... Ну... Его зажгли... Это горцы... Салтинцы.

— Почему салтинцы? — моментально спросила она, сама не отличая одного горного племени от другого.

— Потому что только они не боятся выдавать себя. А остальные крадутся, как шакалы!

Ночь стыла... Среди своего задумчивого безмолвия она невнятно говорила сердцу о какой-то великой тайне, свершающейся в её мраке... Откуда-то потянуло ветром... Он при-

нёс запах цветов. Благоуханная волна его обдала лицо девушки, и та нарочно ещё подставила горевшие щёки этой чудной ласке юга.

— Какие это цветы, Амед?..

Но Амед её не слушал. Он не только не слушал, но осмелился до того, что схватил её за руку и сжал крепко, до боли сжал.

— Что с вами? — испугалась та, стараясь вырваться.

— Слышите... слышите... Там, там... — указывал он ей направо.

— Ничего не слышу! — она напрягала слух, но для неё ночь молчала по-прежнему. — Самур шумит?..

— Не Самур... И теперь не слышите?.. Вон оттуда, оттуда... где Шарахдагское ущелье в горы уходит... где днём красные скалы!..

Далеко, далеко... Так далеко, что Егоров и внимания не обратил, послышалось, точно падение обвала, но чуть-чуть...

И вдруг в это самое мгновение сначала версты за четыре перед крепостью тьякнула одна собака, потом другая, третья... Тревога передавалась от одного из этих верных животных к другому, и скоро Самурское укреп-

ление находилось как будто в кольце собачьего лая... Егоров насторожился... Собаки продолжают лаять, а они выдрессированы так, что звука не подадут даром... Лай всё слышнее и слышнее... Точно кольцо суживается, отступает к крепости, будто псы отходят назад. Вот в одном месте рычание, бешеный крик... стон... Сильное животное задушило кого-то... Нина с бьющимся сердцем прислушивается... Что-то — и страх, и любопытство вместе удерживает её здесь... Сквозь этот лай и странные звуки, точно ветер бежит по сухим листьям кукурузы, она различает тихий-тихий голос Амеда:

— Это они — они. Теперь — ангел Аллаха — бедный Амед скоро умрёт на твоих глазах, чтобы ты не говорила ему, что он слишком молод. Он молод, но рука его и глаз верны, как у взрослых!

Егоров приложился... Сухой треск выстрела прокатился по ущельям. Собаки на мгновение замерли, пока эхо его повторялось скалами и перебрасывалось от одной горы к другой, и потом залаяли ещё ожесточённее... Дежурный барабанщик вскочил вниз.

— Егоров, ты стрелял? — крикнул он.

— Да... Бей тревогу.

Зловещая дробь пробуждающими и оглушительными звуками наполнила тишину спавшей крепости. Она, точно огонь в костре, то разгоралась, то падала... И как будто в ответ ей издали, из-за рукавов Самура послышалось: «Алла-Алла!» Казалось, в устья ущелий, как в трубы, кинули нашей крепости этот вызов неведомые богатыри проснувшегося Дагестана.

— Это и есть горцы, которых папа ждал? — спросила Нина у Амеда.

— Они или нет, сейчас узнаем... Но часть их наверное...

— Смирно! — послышалось решительное и властное позади...

Из казарм с примкнутыми штыками выбежали солдаты.

— Штабс-капитан Незамай-Козёл! С ротой займите за крепостью балку — знаете, вправо.

— Слушаю-с! — ему уже теперь было не до филологических пререканий о своей фамилии.

— Прапорщик Роговой! Пойдите со взводом налево, — помните холм?.. Займите его и сумеете отбиться, если они сегодня бросятся сюда, чего я не думаю, — проговорил Брызгалов про себя.

Послышался скрип крепостных ворот, и мерный топот выступающей роты... Несколько раз звякнул штык, встретившийся со штыком, и опять тишина...

— Амед, это ты? — спросил Брызгалов, выходя наверх, — Нина, ты чего не спишь?.. Ступай, ступай, моя девочка, домой. Теперь может быть опасно здесь.

— Ещё минуту, батюшка. Я не боюсь ничего... И меня не видно тут.

— Амед! Что это? Как ты думаешь?

— Сейчас услышим!..

И, как будто в оправдание этих слов, верстах в трёх от крепости зазвучала слабыми голосами песня, знакомая Амеду:

Кто, отважный, обрёл себя Богу, —

Без боязни иди на дорогу.

Всё, что видит орлиное око

Позади, впереди и далеко:

*Облака и сиянье лазури,
И утёсы, и вихри, и бури, —
Всё послужит во славу Аллаха
Начинанью абрека без страха...*

— Что они поют? — спросил Брызгалов у молодого человека.

Тот обрадованно обернулся к нему.

— Нет, это ещё так... Это не песнь газавата... Значит, — главные силы не здесь... Это так, летучий отряд абреков. Если бы главные силы князя Хатхуа были тут, тогда они пели бы...

И он разом замер и вздрогнул...

С другой стороны, — справа, торжественно и величаво вдруг поднялся к ясным и звёздным уже небесам гимн газавата:

*«Слуги вечного Аллаха!
К вам молитву мы возносим:
В деле ратном счастья просим;*

—
*Пусть душа не знает страха,
Руки — слабости позорной;
Чтоб обвалом беспощадным
Мы к врагам слетели жадным
С высоты своей нагорной!»*

— Аллах да спасёт нас! — тихо с выражением уже нескрываемого ужаса, воскликнул Амед... — Аллах да спасёт нас! — протянул он руку в сторону к певшим. — Оттуда идут мюриды!

Брызгалов при этом слове вздрогнул. «Мюриды!» Он с невыразимой тоскою взглянул на свою Нину.

— Девочка моя, — иди спать! Теперь ты только помешаешь нам. Иди! И да хранят тебя силы небесные!.. — С неудержимой нежностью он схватил её за плечи, притянул к себе, обнял, поцеловал в чистый, похолодевший лоб и слегка оттолкнул её, уже говоря со строгостью:

— Иди же, иди, Нина! Иди, ложись и спи, не тревожься. Пока ещё опасности нет.

Белый силуэт девушки скрылся во мраке.

— Так ты не ошибаешься, что это мюриды?

— Да! — тихо ответил Амед. — Я не ошибаюсь, — это гимн газавата. Послушайте сами.

— Я не понимаю языка их.

— Они уж кончают его. Вот, вот... Она и есть... Песня мюридов!..

«Наша кровь рекой польётся,

*Но за муки и страданья
Тем сторицей воздаётся,
Кто томится в ожидании...»*

Эхо долго ещё повторяло отголоски её... Должно быть, и вдали, в ущельях, позади были мюриды, потому что, когда кончили эти, — там ещё только начинался гимн газавата... Чутко прислушивались к нему солдаты. Старые кавказские бойцы — они понимали, что дело теперь становится нешуточно!.. Это не простой набег. Если показались мюриды, — то задачи горцев серьёзны. Они решились умереть. Мюриды не знают страха и в одиночке, — но если они вместе, то или погибнут сами, или уничтожат страшного врага...

— Аллах да спасёт нас! — ещё раз, но уже для себя самого прошептал Амед.

Брызгалов недолго задумчиво смотрел в густевшую перед ним тьму горной ночи.

— Сойманов! — крикнул он, не оборачиваясь.

— Здесь! — послышался отрывистый ответ.

— Станок готов?

— Точно так, ваше высокоблагородие.

— Ну-ка, ракету!.. Сейчас увидим... Это вы, Кнаус?..

Офицер поклонился.

— Направьте туда поправей ракету... откуда пели сейчас эти разбойники.

Ночь опять молчит и точно стережёт кого-то... Рядом послышался треск, и огненная змея взвилась в недостижимую высоту. Мгновенно, точно от блеска молнии, выступили сумрачные вершины, горные ущелья, словно побледневшая долина, весь белый Самур, — и далеко за ним какие-то медленно двигавшиеся пятна... Ракета исчезла, — но этого было уже довольно... Враг, действительно, был там. Брызгалов его видел. Очарование безотчётно-го страха исчезло — пред ним была осязаемая опасность, а такой он не боялся.

— Ещё прикажете? — спросил его Кнаус...

— Эй, Стасюк! Наводи орудие направо. Посмотри, где головной отряд, как осветит его ракета. Слышишь?.. Возьми придел вернее... Слышишь... Пугни по команде, да чтобы снаряда у меня даром не тратить!

— Слушаю-с!

— Кнаус! Велите Сойманову ещё одну!

Опять огнистая змея взвилась в тёмное небо. Опять выступили горные вершины и побледневшая долина... Стасюк молодцом приспособил дуло медной пушки.

— Готово? — отрывисто крикнул ему Брызгалов. — Навёл?

— Есть!..

— Орудие... пли...

Во всё своё медное горло гаркнуло оно, выбросив направо огнистый сноп, осветивший разом и Стасюка, и Егорова, и Брызгалова с Кнаузом и Амедом позади, и целую толпу других солдат около. Быстро-быстро прорезая сонный воздух и словно железным бичом рассекая пространство, навстречу врагу понёсся артиллерийский снаряд. Яркой звездой курился в нём фитиль... Чу... Треск разрыва далеко, далеко... Какие-то крики...

— Честь имеем поздравить! В центр попал! — самодовольно проговорил Стасюк. — В самую, значит, говядину.

— Молодец наводчик!

— Рад стараться, ваше высокоблагородие.

Несколько пуль запело оттуда, но, не долетев, упало у стен крепости. Налево — какая-то

партия горцев подобралась к прапорщику Роговому, но тот принял её на себя вовремя, допустил чуть ли не на штык и встретил залпом. С диким визгом кинулись прочь оторопевшие лезгины, и долго ещё слышалось «аман-аман» и проклятия, адресуемые ими неверным собакам.

— Господин майор!

— Чего вам, Амед? — обернулся к нему Брызгалов.

— Позвольте мне пройти к ним. Я узнаю, — высмотрю, сколько их, откуда они, и главный ли удар направляется сюда, или нет.

Брызгалов задумался.

— Кнаус! — приказал он. — Сообщите ему пароль и лозунг. Проведите до позиции Незамай-Козла и отпустите. С Богом, Амед!

И майор горячо пожал ему руку.

— Ещё солнце не покажется, — я буду уже здесь, если меня не убьют! — тихо добавил молодой горец.

Теперь весь воздух кругом казался наполненным жужжанием шмелей. Пули пели тоскливую песню, шлёпаясь в мягкий песок Самурских отмелей. Слышалось сухое пощёл-

кивание выстрелов из горских винтовок, и далеко последними отзвуками замирала в глубине ущелий зловещая песнь газавата...

— Мюриды, — обратился назад Брызгалов. — С этими шутки плохи, надо готовиться к упорной обороне...

Скоро горцам надоело стрелять наобум, и они замерли...

Ночь опять безмолвствовала. В торжественном спокойствии над окутанною мраком землёю совершали обычный круг своё созвездия — иероглифы тёмного неба. Уже совсем смолкая, тихо струился Самур. Откуда-то чуть доносилось ржание лошадей, и только крики: «Слуш-шай!» от башни к башне перелетали над недвижимыми и словно заколдованными стенами одинокой крепости.

Брызгалов у себя писал донесение в Дербент.

Нина, стоя на коленях у иконы, громко молилась, чтобы Бог спас их всех от грозной беды, так неожиданно ворвавшейся в спокойную, будничную жизнь девушки. Когда отец зашёл к ней, она уже лежала в постели, но широко раскрытыми глазами смотрела в по-

лумрак; едва-едва светилась над нею лампада у образа. Кроткий лик Богородицы склонялся в серебряной ризе над нежной головой младенца.

— Ты не спишь?..

— Нет, папа... не сплю. Я молилась...

— Молись, молись, деточка! Наступают тяжёлые дни... Ну, да никто, как Бог!

— Папа, что такое мюриды?

— Завтра расскажу тебе... А теперь успокойся!.. Прощай, дитя моё! — и он три раза перекрестил её.

1902

Примечания

1

Знак отличия военного ордена Мухамеданам; его давали не с изображением Георгия Победоносца посередине, а с орлом.

[^^^]